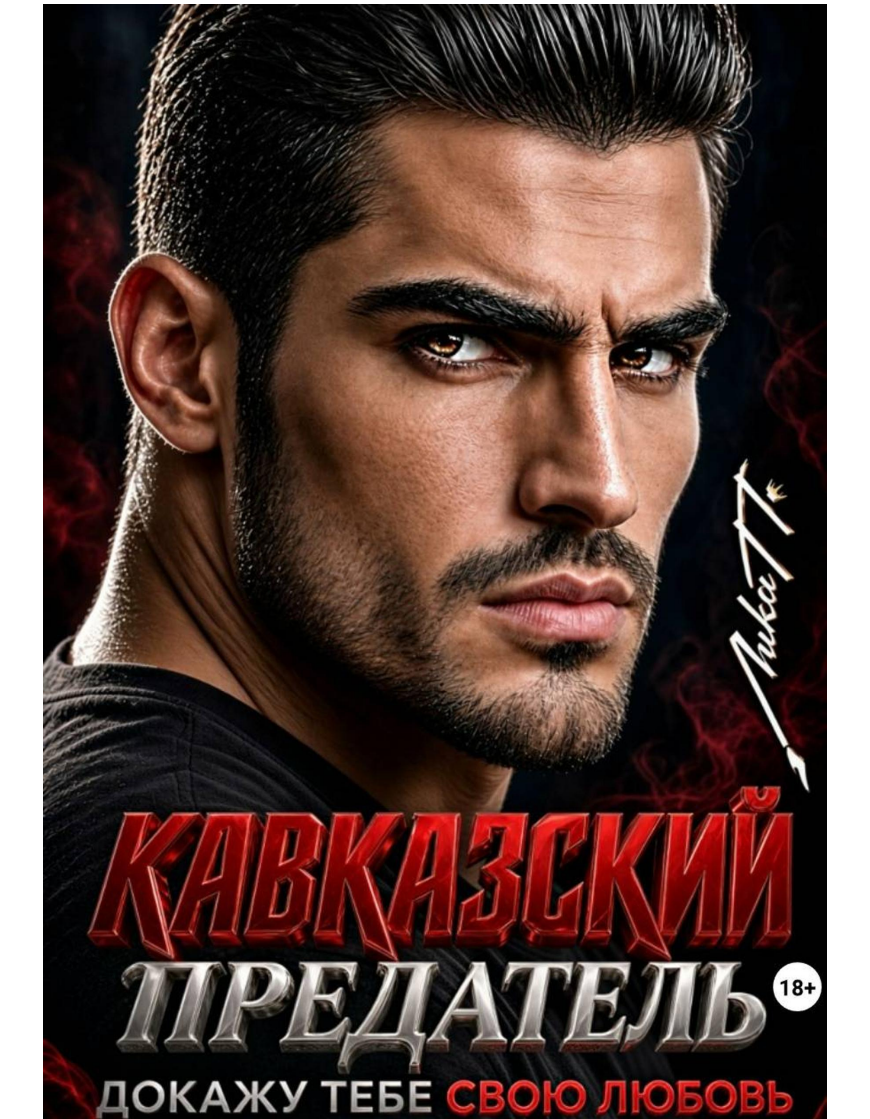

A close-up portrait of a man with dark, slicked-back hair, a well-groomed beard, and intense, light-colored eyes. He is looking slightly to the right with a serious, almost menacing expression. The background is dark with some red, smoky or flame-like patterns on the left and right sides.

Ника 77

**КАВКАЗСКИЙ
ПРЕДАТЕЛЬ**

18+

ДОКАЖУ ТЕБЕ СВОЮ ЛЮБОВЬ

Ли́ка П.

Кавказский предатель.

Докажу тебе свою любовь

<https://litres.ru/74522234>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Не оборачивайся, если хочешь узнать всю жестокую правду о своём женихе.

Голос с густым кавказским акцентом обжёг затылок. Я застыла с бокалом в руке, не в силах пошевелиться.

— У твоего Артака в Армении есть жена. И дочь.

Мир рухнул в одну секунду.

Два года. Два года он говорил «потерпи, малышка», откладывал свадьбу, прятал телефон и молчал о своей семье. А я верила. Отдала ему всё — и получила ложь.

Я сбежала от предателя в родной город, пытаюсь собрать себя по кускам. А через месяц узнала, что беременна.

Он не заслуживает ни меня, ни нашего ребёнка. И никогда о нём не узнает.

Вот только Артак так не считает. И когда он найдёт меня — а он найдёт, — я должна буду решить: верить снова или бежать ещё дальше.

Содержание

Глава	4
Глава	10
Глава	16
Глава	20
Глава	26
Глава	32
Глава	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Кавказский предатель.

Докажу тебе свою любовь

Глава

Глава 1.

Зурна и дхол¹ резали уши и били по нервам. Я стояла у холодной мраморной колонны в банкетном зале в центре Москвы, где армянская свадьба Сурена — друга Артака — гремела, как безумный сон. Гости в ярких платьях кружились, бокалы звенели, а я не могла отвести глаз от Лалы, невесты в центре зала. Она танцевала — скромная, в белом платье, что струилось мягкими складками к полу. Серебряный поднос дрожал в ее руках, пока гости клали купюры, желая семейного достатка.

«Арси пар»², — шептали вокруг, глядя с восхищением на танец невесты. Я знала: это был ее момент. Щеки Лалы розовели, и я невольно прижимала ладонь к груди. Сердце билось так громко, что, казалось, заглушало музыку.

Скорей бы и я оказалась на ее месте. Скорей бы Артак смотрел на меня так же, как тогда Сурен смотрел на Лалу.

---

¹ Зурна и дхол — армянские народные музыкальные инструменты: зурна — духовой, дхол — барабан. Их звучание традиционно сопровождает свадьбы и праздники.

² «Арси пар» — армянский свадебный танец невесты. Во время него гости кладут деньги на серебряный поднос, желая молодой семье достатка и благополучия.

Артак был в другом конце зала. Высокий, широкоплечий, в черном костюме, что сидел на нем как влитой. С бокалом вина в руке он болтал с кем-то, но я ловила его взгляд. Подмигнул — и я улыбнулась, как дура. «Ты самая красивая», — читала я в его темных глазах, и жар заливал щеки.

Но тут вибрировал телефон в его руке. Артак отвернулся, ответил коротко, резко — в привычной ему манере. «Дела, малышка», — сказал бы он, если бы стоял рядом. Я сглотнула комок в горле, но заставила себя улыбнуться. Он мой. Правда же?

Мы были вместе уже два года. Его грубые руки знали каждый мой изгиб, а мой голос успокаивал его всякий раз, когда срывались сделки. Вчера он прижал меня к стене нашей московской квартиры и шептал нежные слова, а я тонула в его запахе — парфюм и кофе. Знала: он хотел всё сделать правильно. Сначала бизнес, потом кольцо. «Анют, потерпи», — говорил он, когда я заводила речь о свадьбе. И я верила.

Но царапало душу то, что он молчал о своей семье. «Родственники в Армении, тебе не о чем беспокоиться», — отмахивался он, и я кивала. Он ни разу не назвал их имен, не показал ни одного фото. Я даже не знала, есть ли у него братья или сестры. Главное — наша любовь. Или я просто хотела так думать?

Гнала навязчивые мысли, брала бокал вина у проходящего официанта, делала глоток. Сладкое, терпкое — как мои мечты. Еще чуть-чуть, и я буду, обязательно буду в центре зала с подносом над головой. Артак станет моим женихом. Я смаковала вино, улыбка всё еще была на губах, и увидела — он шел ко мне через толпу. Сердце замирало.

— Анют, ты светишься, — его голос был низкий, теплый, но в глазах что-то

ускользало. Он касался моей руки, и я дрожала. Как всегда.

— Это атмосфера так действует, — шутила я, хотя хотела сказать: «Это всё ты. Потому что я люблю тебя безгранично».

— Голубое тебе к лицу, — делал он ненавязчивый комплимент и улыбался.

— Спасибо. — Мои щеки розовели, будто мы познакомились только вчера.

— Люблю, когда ты делаешь комплименты... — Я замолчала на полуслове: телефон в его кармане снова жужжал. Он хмурился и отходил на шаг.

— Секунду. Дела, — бросил мне.

— Опять? — вырвалось у меня. Я кусала губу — вышло слишком резко.

— Малышка, не начинай, — он смотрел почти холодно. — Это важный звонок по бизнесу.

Я кивала, но в груди всё сжималось. Он отворачивался, отвечал. Я слышала обрывки: «Да, всё под контролем... Нет, не сейчас». Кому он говорил? Почему никогда не объяснял? Отпивала вина, чтобы прогнать мысли. Сейчас вернется, улыбнется — и всё будет как раньше. Правда же?

Он закончил звонок, но не подошел. Махнул кому-то в толпе и ушел к мужчинам в костюмах, что курили у бара. Я осталась одна с бокалом в руке. Лала танцевала, гости смеялись, а я чувствовала себя лишней.

Вспоминала, как месяц назад спросила его про Армению. «Когда поедем к твоим?» — пошутила я. Он нахмурился: «Не время, Анют. И не лезь туда». Его тон резанул, но я проглотила обиду. Он же любил меня. Или я себя обманывала?

Делала еще глоток. Зал гудел, за окнами мигала московская ночь, но я видела только его — Артака, моего будущего мужа. Еще чуть-чуть, шептала я про себя. Еще чуть-чуть — и он наденет колечко мне на палец. От этой мысли адреналин

неся по венам вскачь. Я так сильно любила его.

Но вдруг теплое дыхание коснулось затылка. Женщина. Тяжелый аромат парфюма выдавал ее. Я хотела обернуться, но она грубо схватила меня за руку:

— Не оборачивайся, — прошипел голос с кавказским акцентом. — Если хочешь узнать всю жестокую правду про своего жениха.

Я цепенела. Бокал дрожал в руке, несколько капель вина упали на пальцы. Хотела крикнуть «пошла вон», но горло сдавило.

— Вы кто? — с трудом выдавила я.

— Неважно. Хочешь снять розовые очки или мне уйти?

— Говори, — прохрипела, хотя сердце кричало: не слушай!

Она наклонилась ближе, и ее дыхание обжигало кожу.

— Знай, у Артака есть жена. В Армении. И дочь — пять лет. Точная копия отца. Он врет тебе.

Мир рушился прямо в глаза. Я летела с обрыва головой вниз. Как такое могло быть? Вчера он целовал мои пальцы и шептал нежные признания. Всё было ложью? Ноги подкосились. Вспоминала, как он уклонялся от вопросов о семье, как резко обрывал: «Не лезь, Анют». Это были знаки? Я была слепа?

— Врешь! — крикнула я, но крик тонул в громкой музыке.

— Дура, — процедила она мне в ухо. — Все вы, русские девки, одинаковые — верите их сказкам. Вот наши мужики и пользуют вас. Пойми наконец: он играет тобой здесь, а дома его ждет Марьям. Законная жена. Венчанная.

Марьям. Имя впилося в мозг. Я видела Артака в толпе — он был весел, смеялся, с бокалом в руке, будто ничего не случилось. А может, она врала? Но зачем? Хотела обернуться, посмотреть ей в глаза, но ее пальцы вновь впились с

силой в мое плечо.

— Не смей! — прорычала она. — Говорю как есть. Проверь, если не веришь. Фото семьи наверняка есть в его телефоне. Только вот потом плакать будешь, когда увидишь, какая красавица его дома ждет.

— Зачем ты мне это говоришь? — голос сорвался до шепота. Сделала глоток вина, чтобы протолкнуть комок в горле.

— Жаль мне тебя, — в ее тоне слышались ядовитые нотки. — Он ведь всегда возвращается к Марьям. А ты — игрушка. И останешься ею, пока не надоешь.

— Пока не надоешь, — медленно повторила я вслух. Злость говорила за меня.

— Верно, девочка, — она смеялась низко, грубо. — Неужели готова жить его шлюхой, пока дочь Артака растет без отца?

— Замолчи! — я рвалась обернуться, но она держала крепко.

— Не веришь — ну и живи с этим, дура. Тьфу на тебя!

Она отпустила руку. Шаги тонули в гуле свадьбы. Я больше не хотела оборачиваться.

Стояла, будто прибитая к полу. Жена. Дочь. Марьям. Игрушка. Каждое слово — как удар под дых. Кавказская музыка гремела, гости танцевали, а я задыхалась. Артак в толпе смеялся — и это резало по живому. Он клялся, что я единственная. Обещал, что мы поженимся. Всё это было ложью? Я что, любила женатого?

Сжала бокал так, что пальцы побелели. Хватит... хватит... Надо проверить самой. Если это правда — не знала, как я буду жить дальше. Это разорвет мне сердце. Марьям... Если она существовала, я найду ее лицо — в соцсетях, в его

телефоне, через общих знакомых. Перерою всё — всех, кому эти два года я доверяла.

Не глядя, поставила бокал на ближайший выступ в стене. Сделала шаг, ещё один. Банкетный зал казался бесконечным и удушливым. Двери были впереди, за ними — московская ночь. Мне нужен был воздух. Сегодня ночью я возьму его телефон, пока он спит. И узнаю всё.

Глава

Глава 2.

Московская ночь леденила щеки. Я поеживалась, стояла у выхода из банкетного зала. Музыка доносилась даже сюда — глухо, придавленно, будто из-под воды, и всё равно заглушала мысли. В ушах звенел чужой смех: далекий, насмешливый, словно издевался надо мной. Не выдержала, отошла подальше. Глядела на Садовое кольцо: фары машин резали темноту, как ножи.

Чувствовала себя абсолютно одинокой.

Хотелось набрать маму и вывалить всё сразу — про Артака, про ту женщину, про Марьям. Но тут же одергивала себя. Нельзя. Она сказала бы: «Бросай его, Анют, я же предупреждала». А я пока не была готова. Пока — нет. Сначала я должна была узнать правду сама.

Пальцы дрожали, ветер трепал волосы. Роилась в сумочке в поисках телефона. Наконец нашла.

Марьям... Марьям, — повторяла про себя.

Открывала соцсети, вбивала его ник. Я и так знала, что он почти ничего не выкладывал: не любил фотографироваться, аккаунт только для связи. Всё равно листала. Пусто. Ни одной фотографии, ни сторис.

«Дела, малышка», — звучал его голос в голове. Я сжимала губы. А может, совсем не дела? Может, ты наглый лжец?

Сердце сжималось в кулак. Кто он на самом деле? Тот, кого я любила два года, — действительно вел двойную жизнь? Господи, сколько раз я слушала такие

истории от подруг, утешала рыдающих. Выходило, теперь моя очередь. Только вот меня утешать некому.

Слезы жгли глаза.

— Анют!

Его голос рвал ночь. Я вздрагивала, оборачивалась. Артак шел ко мне — высокий, красивый, пиджак расстегнут, дыхание парило в морозном воздухе. Глаза темные, тревожные, но такие родные. Прятала телефон в сумку. Горло перехватывало. Хотела крикнуть всё прямо сейчас — и не могла. Не так. Сначала доказательства. А вдруг это наговор? Вдруг ложь?

— Ань, что случилось? Почему вышла без верхней одежды? — он хмурился, в глазах было настоящее беспокойство. Или мне казалось? — Замерзнешь же.

Он брал мою руку. Я дрожала — как в наш самый первый вечер.

— Да ты вся ледяная! — воскликнул он, сорвал с себя пиджак, накиннул мне на плечи, обнял. Крепко, надежно. Я невольно прижималась и давала волю слезам. Они текли по щекам, а я вдыхала его запах — такой родной, такой до боли знакомый.

— Артак, я хочу домой, — хрипела я, пряча лицо на его груди.

— Домой? Одна собралась? — он хмурился, заглядывал в глаза и видел слезы. — Почему ты плачешь? Анют, кто тебя обидел?

В его голосе вспыхивала сталь. Узнавала этот тон — кавказский темперамент. Хотелось улыбнуться, но не получалось.

— Никто, — лгала я, вытирала лицо. — Просто устала. Тяжелая неделя на работе.

— Сколько раз говорил: бросай ты эту чертову компанию, — он прижимал

меня крепче, будто я единственная на свете. Будто никакой Марьям и ребенка нет. Боже, как я выдержу?

— Девочка моя, ты совсем расклеилась.

Я смотрела в его лицо, искала хоть тень вины. Но видела только его — моего любимого Артака .

Телефон в его кармане в который раз вибрировал. Он хмурился, отводил взгляд.

— Извини, быстро отвечу. Важное, — отходил на пару шагов, говорил тихо:

— Позже.

Кому «позже»? Ей?

Через секунду возвращался, улыбался — той самой пленительной улыбкой.

— Уверена, что домой? Может, вернемся, потанцуем?

Отрицательно качала головой.

— Устала. Хочу спать.

— Ладно, им кянкс³ поехали домой, — он касался моей щеки ладонью, и я ненавидела себя за то, что всё еще дрожала от его прикосновения. — Ты сегодня сама не своя.

— Останься с друзьями, — шептала я, отступая. — Я вызову такси.

— Аниут, — он хватал меня за запястье, мгновенно вспыхивал. — Скажи, что не так.

— Отпусти, — выдавливала я, вырываясь.

Его взгляд темнел. Телефон звонил снова. Он рывкнул в трубку:

---

³ Им кянкс (арм.) — «жизнь моя», ласковое обращение, буквально «моя жизнь».

— Позже сказал!

Убрал его в карман и смотрел на меня в упор.

— Я сказал: едем вместе.

Я не спорила. Знала же, за кого выходила. Кавказский мужчина — последнее слово всегда за ним. К его вспыльчивости я привыкла. Но делить его с другой? Быть запасным вариантом? Никогда.

Возвращались молча. Москва за окнами — огни, пробки, чужие жизни. Артак смотрел на дорогу, челюсть сжата. Я притворялась, что дремлю, но мысли билась в висках: два года вместе — и я ничего не заметила?

Дома пахло его парфюмом. Я падала на диван, бормотала:

— Спать хочу...

Он хмурился и кивал.

— Иди в спальню, Ань, — голос Артака становился неожиданно мягким, почти ласковым. Он снимал пиджак, бросал его на кресло. — Ложись, я скоро.

Я кивала, зевая так громко, что самой было противно. Лишь бы поверил. Лишь бы не заподозрил.

Брела в спальню, ноги ватные. Садилась на край кровати и понимала: сердце стучало уже не в груди, а прямо в горле, и готово было выскочить. Раздевалась в автомате, не чувствуя рук. Ложилась, натягивала одеяло до подбородка, как ребенок, который прячется от монстра. Закрывала глаза и ждала.

Он зашел. Слышала его по тяжелым шагам. Садился рядом, край кровати под его весом проминался. Пальцы касались моего плеча, с которого сползло одеяло, осторожно укрывал, будто я хрупкая. Я дышала ровно, медленно, как во сне. Слышала его вздох — глубокий, усталый. Потом щелкал выключатель, свет гас.

А через несколько мгновений хлопала дверь ванной.

Считала секунды. Вода шумела, потом стихала. Он возвращался. Кровать снова проседала под его весом. Дыхание сначала неровное, потом глубже, ровнее. Заснул. Наконец-то.

Открывала глаза в темноту. Сердце билось так, что, казалось, он услышит.

Телефон он клал на свою тумбочку, как всегда.

Вставала. Босые ступни касались прохладного паркета, машинально поджимала пальцы. Тихо подходила к его стороне. Не дышала. Трясущимися руками брала телефон. Пароль — мой день рождения. Тот же. Не сменил. Доверяет? Или просто ленится? Или это часть игры — дать мне иллюзию, что я важна? Голова вот-вот лопнет от мыслей.

Вводила цифры. Разблокировано.

Галерея. Первая же папка. Открывала, и сразу — удар под дых.

Женщина. Красивая. Темные глаза, длинные волосы, улыбка спокойная, уверенная. Рядом девочка лет пяти, прижалась к ней щекой. Темненькая, но я не видела сходства с Артаком.

Я задыхалась. Воздуха не было. Комната плыла.

Листала дальше. Еще фото. Та же женщина на фоне какого-то парка. Та же девочка с косичками держала ее за руку.

Всё правда. Незнакомка не солгала.

Вдруг вспомнилось, как однажды утром он варил кофе, целовал меня в висок и говорил: «У наших детей будут твои глаза, джан». Я тогда растаяла. А его дочь в это время жила без него в другой стране. Он предал нас всех: меня, жену и дочь.

Меня рвало наизнанку. Тихо, беззвучно. Слезы текли по щекам. Я сжимала

телефон в руках и хотела разбить его об стену. Хотела разбить нас. Хотела исчезнуть.

Он шевельнулся во сне. Я замирала, как зверь. Не дышала. Он вздыхал, переворачивался на другой бок, спиной ко мне. Широкая, родная, ненавистная.

Я сидела на полу, прижав телефон к груди, и рыдала без звука. Губы дрожали, зубы стучали. Всё тело трясло.

Люблю. Ненавижу. Умираю.

И в этой темноте понимала: сейчас я либо уйду навсегда, либо останусь навсегда сломанной. Третьего не дано.

Глава

Глава 3.

Двумя часами ранее

Толпа в банкетном зале гудела, как растревоженный улей. Музыка была по ушам так, что в голове стоял сплошной гул. Свадьба была в самом разгаре. И вдруг — в этой густой, шумной массе — черная фигура рванула к выходу. Ниченькая, полная женщина в длинном темном пальто и черном платке, завязанном тугим узлом на затылке, проталкивалась вперед с неожиданной яростью, будто ее гнали огнем.

— Расступитесь... расступитесь, люди добрые! — выкрикивала она, расталкивая всех локтями. И у одной гостьи от такого напора вино выплеснулось из бокала.

— Ой, тетя, поаккуратнее! — взвизгнула молоденькая девушка в блестящем платье, еле удержавшись на высоченных каблуках.

— Это еще кто такая? — вытянул шею один из родственников жениха, хмурясь. — Цыганка, что ли? На нашей свадьбе? А кто ее пригласил?

— Да ладно тебе, — усмехнулся другой, провожая взглядом черную фигуру. — Наверное, со стороны невесты пригласили. Погадать.

— Точно! Раскинет карты — скажет, когда развод и сколько алиментов, — хором засмеялись мужчины.

— Тише вы! — шикнула мать жениха, нервно оглядываясь по сторонам. — Если услышат родственники Лалы — дело до драки может дойти.

— Зато будет что вспомнить на старости лет, — компания снова захохотала.

А цыганка уже вырвалась из банкетного зала. Остановилась, тяжело дыша, прижалась спиной к холодной стене. Убедилась, что за ней никто не следует, поправила платок и вытерла выступивший пот со лба тыльной стороной ладони — тяжелые перстни блеснули в тусклом свете лампы. Потом, быстро, насколько позволяла ее полнота, обошла здание и вышла на темную стоянку.

Там, у черного седана, стояла Марьям.

Шуба нараспашку, несмотря на декабрьский мороз, который щипал щеки. Она мяла в руках дорогую сумочку, вышагивала взад-вперед, оставляя следы каблучков на тонком снегу. Увидев в темноте знакомую переваливающуюся походку, она шагнула навстречу.

— Ну наконец-то! — выдохнула Марьям, голос вибрировал от злости и нетерпения. — Я уже вся зачоченела! Что так долго?

— «Наконец-то... наконец-то», — передразнила женщина, подходя ближе и отряхивая с пальто невидимую пыль. — Что это за свадьба такая проклятая? Голлова трещит! Богом клянусь, вся Москва там набила. Чуть не раздавили меня. Еле вырвалась.

Она театрально вздохнула, положила пухлую ладонь с тяжелыми перстнями на грудь.

— Руза, успокойся, и прекрати ныть, — оборвала ее Марьям, зло поджав губы. — Знаю я, к чему ты клонишь, всё тебе денег мало. Сделала, о чем договаривались?

Руза оскалилась — в полумраке сверкнув золотым зубом.

— На свете нет того, с чем бы Руза не справилась, — важно произнесла она.

— Конечно, сделала. Столько воды в уши этой русской дурочке налила — теперь она неделю спать не будет, это уж точно. А для убедительности говорила с кавказским акцентом, с твоим, конечно, не сравнить.

Она хрипло засмеялась, довольная собой.

— И что, она поверила тебе? — Марьям нервно вцепилась пальцами в ручку сумочки.

— Сначала деньги, — цыганка вытянула ладонь, пошевелив толстыми пальцами. — Поверила, не поверила — уже неважно. Крючок она заглотила по самые жабры, а это главное. Теперь в каждом его слове будет подвох искать, в каждом звонке — измену. Сомнение, милая, дело такое: раз пошло — всю любовь выжжет, дотла.

Марьям закусила губы. Глаза метались в темноте.

— А вдруг зря? Вдруг он все-таки женится на этой... белобрысой? — ее голос сорвался, в нем сквозила растерянность и страх.

— Ой, красавица, — Руза закатила глаза. — Ты мне за жалость не платила. Ты платила, чтобы эта беленькая сама от него сбежала. И поверь старой Рузе: после того, что я ей напела про «жену Марьям и дочку пятилетнюю», она теперь...

— Ты что?! Мое имя ей сказала?! — Марьям грубо перебила, схватившись за голову. Голос взвился до визга. — Ты с ума сошла?!

— А что такого? — Руза пожала плечами. — Для достоверности же. Чтобы поверила сразу.

— А если она ему расскажет? Спросит: «Кто такая Марьям?» Об этом ты не подумала?! — Марьям задыхалась от паники.

— Ты что, единственная Марьям во всей Армении? — фыркнула цыганка и

снова пошевелила пальцами. — Давай уже, отслоняявливай . И сверху пятерочку не забудь, как договаривались. За риск, а он, скажу я тебе, был немалый. И дорогу к твоему Артаку расчистила, красиво.

— Ага, прямо ковровой дорожкой, — съязвила Марьям. — Мне говорили: не связывайся с цыганками, они наглые до ужаса... — прошипела она и полезла в сумку.

— Это кто еще наглый?! — вскинулась Руза. — Наши женщины самые честные! Слово мы держим. Я тебе русскую девку с пути убрала, без сучка, без задоринки. А ты еще торгуешься, как на базаре.

Марьям молча достала пачку купюр, поколебавшись, добавила еще одну.

— На, все равно не отстанешь.

Руза ловко схватила деньги и быстро сунула за пазуху.

— Слушай, а хочешь, я тебе погадаю? Всё как есть скажу, — подмигнула она, надеясь на лишнее.

— Еще чего. Иди своей дорогой и рот на замке держи.

— А как иначе. Я могила, ты же знаешь.

— Знаю, — буркнула Марьям, открыла дверь машины и села за руль.

— Ну ладно, бывай. Если что — знаешь, где меня найти.

Руза повернулась и растворилась в темноте, переваливаясь, как утка.

Марьям осталась одна. Завела мотор, но не тронулась сразу. Посидела, прогревая машину, глядя в пустоту.

И впервые за долгое время улыбнулась.

Жестоко. Триумфально. Как победительница, которая только что воткнула нож в спину сопернице — тихо, точно и без жалости.

Глава

глава 4.

На следующий день я пришла на работу **призраком** — бледной тенью самой себя. Глаза жгло от слёз, под ними залегли синие круги. Всю ночь я проплакала в подушку беззвучно, зарывшись в неё лицом, чтобы не разбудить его. Чтобы он не услышал, как рушится мой мир. Чтобы не увидел, как я умираю внутри, пока он гад, спит себе спокойно!

Артак уехал рано утром на какую-то «запланированную встречу». Поцеловал меня в щёку — сухо, привычно, как ни в чём не бывало — и бросил на ходу: «Вечером заеду за тобой, малышка». Я едва кивнула, боясь открыть рот из-за дрожи в голосе.

В офисе я сидела за компьютером, но буквы на экране расплывались в серую кашу. Пальцы скользили мимо клавиш. Внутри всё крутилось: тошнота накатывала волнами, давление скакало, голова гудела и выглядела так, будто я на вчерашней свадьбе перебрала со спиртным. Во всяком случае, так мне казалось. Я держалась из последних сил, пока не наступил перерыв.

В кафе-зоне собрались мои девочки, они моё спасение в этом аду мыслей: Маша из маркетинга, Света из бухгалтерии и Лена с ресепшена. Они заметили сразу. Как не заметить — я выглядела так, будто меня ночью переехало грузовиком.

— Ань, что с тобой? — Маша первой подвинула мне стул, обеспокоенно хмурясь. — Свадьба, что ли вчера удалась?

Я села, обхватила чашку обеими руками, будто грелась о неё, хотя кофе обжигал пальцы. Губы задрожали сами.

— Девочки... я... не знаю даже, как сказать... — голос сорвался в хрип.

Света присела рядом, положила руку мне на плечо:

— Выкладывай. Мы же свои.

Мне именно это и нужно было — поддержка моих девчонок.

Я глубоко вдохнула — и прорвало. Всё полилось: сначала медленно, с паузами, потом быстрее.

— Вчера на свадьбе... ко мне подошла женщина и сказала... сказала, что у Артака есть жена в Армении, звать Марьям. И дочь. Пять лет. И что он меня просто использует. Что все они так: здесь, в Москве, развлекаются с нами... с русскими девчонками, а домой возвращаются к настоящим семьям.

Маша ахнула, прикрыла рот ладонью.

— Подожди... какая женщина? Откуда она вообще взялась?

— Не знаю! — Я подняла глаза, полные слёз, и они покатались по щекам.
— Я даже лица её не видела, она вцепилась в меня, не позволив обернуться... сказала: «Если не веришь, проверь его телефон», а потом просто исчезла. У меня земля исчезла из-под ног в одну секунду.

— И ты... сразу поверила? — Нахмурилась Лена.

— Нет! Сначала нет! Думала — сумасшедшая какая-то, завистница. Но потом... потом всё сложилось. Как он всегда отмахивался от вопросов про семью, я не раз же рассказывала, вечное его: «Не лезь, Анют». Поездки в Армению — «по делам», и ни слова подробностей. Воды нальёт, а я дура уши развесила! И

злится сразу, если спрашиваю. Девочки, я нашла фото в его телефоне и не одно с женой и ребёнком.

— А это точно была она?

Я кивнула — и слёзы хлынули рекой.

— Да она с ребёнком, слова той незнакомки сошлись. В скрытой папке хранит. А пароль от телефона — дата дня моего рождения. Каким надо быть циником.

Маша тихо выругалась:

— Сволочь...

— Да, — я уже не вытирала слёзы, они текли сами, жгли кожу. — В Армении любит жену, а здесь меня, и всё откладывает свадьбы нашу «Потерпи Анют, сейчас не время». Но теперь то хоть **ПОНЯТНО ПОЧЕМУ**. А я дура верила.

Лена обняла меня крепко, прижала к себе.

— Анька, милая... Что теперь будешь делать?

— Не знаю! — Я почти кричала, но тут же понизила голос, оглядываясь по сторонам. — Не могу с ним жить. Не могу смотреть в эти глаза, зная правду. Каждое его «малышка» теперь — как нож в сердце. Но и сказать в лицо... страшно. У него темперамент, вы знаете. Вспылит — и что? Закроет дома? Не выпустит? Телефон отберёт? Он сильный, а я одна.

Света сжала мою руку до боли.

— Ты не одна. Мы с тобой. Прямо сейчас поедem, соберём вещи, пока его нет. Переедешь ко мне. Или к Маше.

Маша встала решительно, глаза горели.

Я посмотрела на них — на моих трёх девчёнок, которые вдруг стали мне

ещё ближе — и разрыдалась по-настоящему. Тихо, безутешно, уткнувшись в плечо Светы. За окном падал декабрьский снег, все планы которые я строила... новый год, рождество... Всё рухнуло.

Я еле дожила до конца дня. Голова раскалывалась, давление то взлетало, то падало, тошнило, я ничего не ела.

Телефон завибрировал, когда я вышла и пошла к лифту. Артак .

Я замерла у входа, глядя на экран. Сердце ухнуло в пропасть. Я нажала «ответить».

— Малышка, привет, — бодро, уверенно, сказал он. — Как день прошёл? Устала?

Я сглотнула ком в горле.

— Нормально прошёл... Да, немного устала.

— Тогда в самый раз сходить и поужинать в ресторане. Я жду тебя, красавица моя, — он явно улыбался, я слышала это. — Ну что ты молчишь?

— Да-а... Да, я просто в лифте, спускаюсь.

— Ну и отлично, поедem в твой любимый ресторан на Тверской. Закажем стейк, вино, тихо посидим. Хочу поднять тебе настроение — ты вчера под конец свадьбы какая-то грустная была.

Я закрыла глаза.

— Я уже выхожу.

— Жду, кянкс * (жизнь моя) — сказал он, и связь прервалась.

«Прощальный вечер с моим двуличным предателем», — сказала себе мысленно и шагнула из лифта, застучав шпильками по плитке, следуя к выходу. Он уже ждал. Стоял возле своего чёрного огромного внедорожника. Выглядел иде-

ально: тёмное пальто, белая рубашка расстёгнута. «Ну а как же, он же кавказский мужчина, кровь у него горячая, так и бурлит», — с сарказмом подумала я.

Он достал из салона машины огромный букет алых роз, таких ярких на фоне снега.

— Анют! — широко улыбнулся, шагнул ко мне, обнял одной рукой, прижал крепко, по-хозяйски. — Скучал, красавица моя.

Букет пах сладко, свежо. Умеет он сделать приятно. Интересно, а жене он какие цветы дарит, или он нас не разделяет...

Артак отстранился, всмотрелся:

— Глаза грустные. Сильно устала? Ничего, сейчас расслабимся. Позвонил, и столик у окна уже заказал, с видом на огни.

— Оперативно. Спасибо за цветы, красивые, — выдавила я улыбку и уткнулась носом в лепестки, чтобы скрыть истинное настроение.

Он помог сесть в машину, мотор рыкнул — и мы поехали по вечерней Москве: огни, пробки, всё мелькало.

В ресторане идеально: приглушённый свет, тихая музыка, официанты незаметные. Он заказал мясо и моё любимое вино, взял меня за руку и поднял бокал:

— За нас, Анют. Скоро всё изменится. Обещаю.

Я хотела сказать ему: «Знаю», но промолчала. Чокнулась с ним наполненным бокалом вина.

Он говорил, а я слушала вполуха. Целовал мои пальцы.

Я смотрела на него, и в голове билась одна мысль: завтра утром, когда он уедет на работу, я соберу вещи и тоже уеду — только к родителям в Тверь —

тихо, без скандала, без криков. Я не выдержу больше ни дня этой лжи — лучше исчезнуть навсегда, чем остаться пленницей в его золотой клетке.

Глава

Глава 5.

Я только что закончил совещание — опять эти подрядчики с мрамором подвели, крику было на весь этаж, но в итоге всё утрясли.

Мой офис находился на двадцать третьем этаже, вид на Москва-Сити — я долго к этому шел и наконец вышел на новый уровень, пошли серьезные заказы, со мной стали считаться крупные компании. « АрмСтройГрупп », который я построил с нуля, стал приносить ощутимый доход.

После совещания все вышли, и я откинулся в кресле, ослабил галстук, налил себе холодной минералки. Телефон лежал рядом. Я нахмурился, увидев три пропущенных от Марьям, а ниже — голосовое сообщение от Ани, и мое лицо прояснилось. Улыбнулся, глядя на ее фото на заставке. Такая светлая, моя девочка. Хотел уже включить, чтобы прослушать, но постучали, и в селектор виноватым голосом сказала моя секретарь:

— К вам Сурен Ваганович. Прошу прощения, что...

— Всё нормально, Лариса, с ним даже я не справляюсь, куда уж тебе, — усмехнулся я, отвечая в селектор.

Сурен был моим московским другом и с недавних пор еще и помощником. Он первый протянул мне руку помощи, когда я приехал в столицу.

Он плюхнулся в кресло напротив, и мы пожали друг другу руки.

— Сразу к делу: по Одинцово документы готовы, на следующей неделе можно подписывать.

— Хорошо, готовьте, я завтра гляну. Главное, чтобы экология прошла без вопросов.

— Не переживай, я уже договорился, — придав лицу важность, сказал Сурен.

— Смотри какой шустрый, — усмехнулся я и откинулся в кресле. — Что же ты вот так бросил молодую жену и сразу за работу?

Он ответил своей фирменной улыбкой.

— Ей сейчас не до меня: у нас полный дом родственников приехало. Вот проводим их через недельку — и уедем в свадебное путешествие.

— М... ясно, — кивнул я.

— Слушай, брат, а ты когда собираешься своей Ане колечко на пальчик надеть?

Я отвел взгляд в окно, почувствовал, как внутри разливалось приятное тепло.

— Да вот... собираюсь. Даже свадебное путешествие продумал: сначала Ба-ли, потом Мальдивы. Отели уже прикинул. А вот как предложение сделать — ума не приложу, — стукнул по столу кулаком. — Я, который триста человек в подчинении держит, а стыдно признаваться самому себе, что нервничаю из-за коробочки с кольцом, которую ношу в кармане вот уже две недели, если не больше.

Сурен забарабанил пальцами по столу, улыбнулся.

— Так-так... дела, Артак Григорьевич... — протянул он.

— Что не так? — вопросительно всплеснул я руками и нахмурился.

— А сам не понимаешь? Серьезно? Арт, тебе вот уже тридцать два. Такой бизнес построил, а предложение как сделать — не знаешь... Вы уж два года вместе живете! Чего там думать? Да просто за ужином достань и надень ты это коль-

цо на ее палец — и дело с концом, чем таскать его с собой неделями. Она рада будет, поверь мне, я в женщинах толк знаю, — стал набивать себе цену друг.

Я покачал головой, отрицательно.

— Нет... с моей Аней так не пойдет. Она... другая. Тонкая, романтическая. Хочу так, чтобы на всю жизнь запомнила. Ради нее я готов, она моя будущая жена, — вспоминая нежный изгиб ее белоснежной шеи и мягкую улыбку, задумчиво вздохнул я.

— Ага, и мать твоих будущих детей... Как поэтично, — съерничал Сур. — И давно ты таким романтиком стал, Артак Григорьевич? — Сурен вопросительно приподнял широкую бровь и забарабанил пальцами по столу.

Я усмехнулся:

— Завтра в зале я тебя чистым броском на татами уроню. Вот это будет точно романтично.

— Ну, это мы еще посмотрим, — Сурен махнул рукой, жестом давая понять, что не стоит сомневаться: будет по-моему.

— Нет, нужно красиво... Аня и так последние дни грустная ходит. Обижается... молчит. Бизнес отнимает у меня много времени, чувствую, в этом вся причина. Она давно ждет моего предложения. Хочу ее порадовать.

Сурен стал серьезнее.

— Ну на колено встань, что ли...

Я не удержался и в голос засмеялся.

— Да иди ты!

— Что? — пожал он в недоумении плечами. — Я ведь был серьезен, брат, а ты посмеялся надо мной. Как так можно вообще... — Ладно... — на пару секунд

сделал театральную паузу и продолжил: — Давай скажи своей секретарше, пусть мне сделает массаж.

— Заканчивай ерничать, а то массаж я тебе сделаю — боюсь, тебе не понравится.

— У меня, можно сказать, психологическая травма! Мне ее друг нанес.

— Еще и твой начальник по совместительству. Думал, женишься, остепенишься, но, похоже, ошибался. Напоминаю, ты только что женился, — сказал я, глядя на него с укором.

— Артак Григорьевич, я памятью не страдаю, — отмахнулся Сурен.

— Черт с тобой, дружище, это твоя жизнь, и ты в ней хозяин.

Возникла небольшая пауза. Я вздохнул, мои мысли вновь вернулись к Ане и предложению.

— А может, на крыше? С музыкой, с цветами, фейерверк заказать? Что думаешь?

— Думаю, отличная идея, она почувствует себя как минимум в сказке.

— А надо «как максимум», Сур, — сложил я на столе руки в замок и с теплом посмотрел на друга.

— Хм, — он хмыкнул. — Дорогой друг, а в сказках живут принцессы.

— Думаешь? — я серьезно задумался над этой мыслью.

— Угу, думаю, — и, глядя на меня, прищурил глаза, будто хотел заглянуть в душу. — А еще я думаю, что впервые вижу тебя таким замороченным... бизнес не в счет.

Я поджал губы, думая над ответом, и понял, что его нет.

— Придется признать: я жестко влип, брат! — сказал я, и мы коротко посме-

ялись.

Я нажал кнопку селектора:

— Лариса, будь добра, свари нам кофе.

Отдав указания секретарю, я отключился.

— Арт, а когда решишься родителям Аню показать? Или сразу на свадьбу их пригласишь, по факту?

Я оценил сарказм друга и усмехнулся, но внутри что-то неприятно шевельнулось. Встал, заложив руки в карманы, прошел к окну.

— Покажу... после свадьбы... по факту, — ответил я.

Сурен поднял брови, присвистнул тихо.

— Смело, однако. Надеюсь, у тебя родители стойкие.

— Да... я тоже надеюсь, — нахмурился я. — Они всё грезят видеть невесткой дочь лучшего друга отца, знаешь же эту историю. С детства нас сватали. Как ты понимаешь, я против. Уже и родители девушки поняли, а мои всё еще на что-то надеются.

Сурен кивнул, уже без улыбки.

— Они полюбят Аню, как только узнают ее ближе, поверь.

— Надеюсь, так и будет, — тяжело вздохнув, чувствуя, что повоевать еще придется как с родителями, так и с родственниками.

— Кофе, Артак Григорьевич! — в кабинет вошла Лариса с подносом.

— Джан, кянк! — Сурен тут же встал с кресла, кинул на меня игривый взгляд, приподняв брови, и в следующую секунду уже был увлечен моим весьма привлекательным секретарем. — Лариса джан, я так ждал, пока ты принесешь этот бо-

жественный напиток, твой кофе просто... цават танем⁴!

Лариса, привыкшая к разного рода комплиментам, молча поставила перед нами кофе, мягко улыбнулась, развернулась и направилась к двери.

— Лариса джан, а рецепт не дашь?

— Лариса, он женатый вот уже как два дня, — сказал я ей вслед.

— Благодарю, Артак Григорьевич, эту новость весь офис уже знает.

— Вот же... Это ты? — повернулся он, выпучив на меня свои большие голубые глаза, на которые и ведутся женщины.

Я вытащил из карманов руки и приподнял ладони, как бы отвечая на его вопрос, что это не я.

— Лариса джан, надо узнать, кто эти грязные слухи пускает, давай вместе вычислим эту крысу.

Она вышла, и он последовал за ней. А через пару секунд открыл дверь, просунув кудрявую голову, сказал:

— Брат, я ушел, а ты сделай предложение сегодня же... а то будешь тянуть — сбежит твоя красавица!

— Иди уже... клоун, — сказал я, шутя, и подошел к столу, сделал глоточек кофе и шепнул: — От меня не сбежит...

---

⁴ Цават танем (арм.) — «возьму твою боль», ласковое выражение, означающее готовность разделить боль близкого человека.

Глава

Глава 6.

Я спустился на лифте из офиса в приподнятом настроении. День удался на славу: после ухода Сурена ко мне зашел партнер по новому проекту — владелец сети ресторанов, который хотел открыть свои заведения в моем будущем жилом комплексе. Переговоры прошли отлично: он согласился на мои условия по аренде, я — на его дизайн-концепцию. Подписали предварительный договор, пожали руки, и я уже видел, как этот комплекс станет жемчужиной Подмоскovie, где он и раскинется.

Но главное было не это.

По дороге из офиса я позвонил знакомому, который управляет элитным пентхаусом на крыше небоскреба в Москва-Сити. Договорились на послезавтрашний вечер. Терраса будет только для нас с Аней. Я сделаю красивое предложение с видом на весь город, который сверху будет сверкать бриллиантовой россыпью. Зима не страшна — всё продумано до мелочей: мощные обогреватели, на всякий случай пледы из кашемира. Официанты в белых перчатках подадут шампанское и любимые блюда Ани — устрицы, салаты, десерт. В нужный момент я достану коробочку, надену кольцо на ее пальчик — и небо взорвется золотыми и серебряными вспышками фейерверка. Настоящее шоу, которое увидит весь город, но предназначено оно только для одной-единственной женщины — для моей Ани.

Никаких лепестков роз по полу и сентиментальной чуши, которую так любят девушки. Для Ани я хотел по-мужски красиво: мощно, дорого, незабываемо.

«Чисто армянский вариант», — усмехнулся я про себя, барабанив пальцами по кожаному рулю.

По пути домой я еще раз прокручивал в голове сценарий. Заеду за ней после работы, скажу... Придумаю по ходу. А перед террасой завяжу ей глаза ее же шелковым платком — тем, что она часто носила. Поведу под руку в лифт, вверх, на крышу. Сниму повязку — и она ахнет. Моя девочка впечатлится до слез, я-то ее знал. Представив это, я улыбнулся.

Она повернется, широко раскрыв глаза, — и в этот момент я достану кольцо. Просто возьму ее руку, посмотрю в глаза и скажу: «Анюта, выходи за меня. Будь моей навсегда». Надену кольцо. Она будет счастлива, я был уверен. Потом шампанское, тост, поцелуй под фейерверком. И ночь в том пентхаусе, где только мы вдвоем.

Моя девочка этого была достойна. Она поддерживала меня все два года, что мы вместе. Видела, как я вставал в пять утра, как срывались сделки, как я злился и возвращался ночью «выжатым лимоном». Молчала, когда я уезжал «по делам», успокаивала, когда всё валилось, поддерживала, и я начинал заново. Терпела мои резкости и отмашки. Мое сердце всякий раз билось чаще, когда речь заходила об Ане. Она была моим счастьем.

Домой я влетел с улыбкой. Мы жили в моей квартире, купленной год назад, — с высокими потолками и огромными окнами. Но после свадьбы я привезу ее в большой дом, где будут расти наши дети. Это сюрприз для моей Анюты.

Я прошелся по квартире... Мне показалось, что что-то изменилось, но пока не мог понять, что именно. Обычно Аня уже была дома в это время — готовила что-то легкое или ждала меня на диване с книгой в руках. А сегодня тихо. Свет

горит только в коридоре.

— Анют? — позвал я, снимая пальто. — Малышка, ты дома?

Тишина.

Странно. Уже почти девять. Сегодня пятница, сокращенный день, и она должна быть уже дома. Я достал телефон — пропущенных нет, но вспомнил: утром от нее было голосовое сообщение. После Сурена и переговоров это совершенно вылетело из моей головы.

Набрал ее. Длинные гудки. Потом сброс. Перезвонил — то же самое, а после и вовсе выключила телефон.

— Не понял, — нахмурился я, глядя в экран.

Что ее так заняло? С подругами? Не похоже на Аню — обычно она предупреждала.

Настроение начало постепенно портиться. Я прошел на кухню, налил воды, сел за барную стойку. Открыл сообщения, нажал « play » и включил громкую связь.

Сначала шорох, потом ее голос — дрожащий, сдавленный, будто она плачет и старается не разрыдаться.

« Артак ... я... не знаю, как сказать. Мысли путаются... Ты... я верила тебе каждому слову, потому что... люблю тебя. Нет, любила. Ну зато теперь я понимаю твои поездки в Армению... вечные отговорки, «сейчас не время для свадьбы... сначала бизнес». Ты врал мне два года... два! Какая же я дура! — она всхлипнула. — Как же удобно ты устроился: здесь меня... а дома — жену! Гад, какой же ты гад, ненавижу тебя, подонок, ненавижу! У тебя же еще и дочка растет пяти лет... Боже... какой ты циник... как я вообще могла тебя полюбить.

Не хочу тебя больше ни знать, ни видеть, ни слышать. Не вздумай меня искать. Я уже не в Москве, а далеко за ее пределами. Я сотру тебя из памяти... уже стерла... Что, Артак ? Кто это? Не знаю такого! Ненавижу! Подонок!»

Голосовое закончилось.

Тишина в квартире стала оглушительной.

Я сидел, глядя в экран. Переслушал еще раз. И еще. Словно надеялся, что услышался.

Нет.

Пытался дозвониться — телефон выключен. Телефон выпал из рук на диван.

Внутри всё тряслось от бешенства.

— Аня... Аня... кто ж тебе в уши надул такую чушь, что даже не поговорила со мной, не прояснила, а просто вылила ушат оскорблений и сбежала, — прошептал я.

Внутри похолодело, потом обожгло, словно удар под дых.

Я откинулся на спинку дивана, уставился в потолок и тихо сказал:

— Ну давай, побегай пока... остынь... А когда я тебя найду, а я найду, накажу. За каждое брошенное слово.

Глава

Глава 7.

На следующий день я пришел в офис раньше обычного — в семь утра, когда даже уборщицы еще не все появились. Естественно, на взводе, на нервах! Потому что благодаря моей женщине ночь прошла без сна. Я провел ее на балконе, выкуривая одну сигарету за другой, глядя на пустые Патриаршие пруды, где снег падал тихо и мягко, словно сам город сочувствовал мне в этой боли. Аня... Ее голосовое сообщение крутилось в голове по кругу — дрожащий голос, полный слез и отчаяния. Кто? Кто, черт возьми, посмел влезть в мою жизнь и разбить всё одним ударом? Кто осмелился разрушить то, что я так тщательно строил?

Утренняя летучка превратилась в настоящий ад. Я разнес всех — от главного инженера до самого зеленого стажера. Мрамор задерживается? Штрафы удвоить! Чертежи не готовы? Премий не будет никому! Голоса я не повышал — просто смотрел так холодно и тяжело, что подчиненные бледнели, опускали глаза и молчали. Лариса, моя секретарша, металась как ужаленная: кофе, вода, документы — только успевала подавать. Внутри всё кипело, бурлило яростью, и я выпускал пар на них, пока более или менее не успокоился, не пришел в себя.

Оставшись наконец один в кабинете, я снова набрал Анин номер — выключен. Уже десятый раз за утро, а может, и двадцатый. Хотел записать голосовое, но в бешенстве чуть не швырнул телефон об стену. Нет, я что, девчонка какая-то, чтобы голосовые слать? Я должен видеть ее, глаза в глаза, смотреть в них, пока объясняю. Но как назло у меня этот месяц сделка за сделкой, где мое присут-

ствие крайне необходимо, незаменимо.

Позвонил Сурену — он что-то задерживался на переговорах. Сурен не просто мой друг, но и главный юрист в компании: возглавляет весь юридический отдел. Он появился спустя два часа. Зашел без стука, как всегда, с привычной уверенностью.

— Артак, что случилось? Твоя секретарша сидит бледная, как полотно, — спросил он сразу, садясь напротив. Вид у него был встревоженный, глаза внимательно изучали мое лицо.

Я откинулся в кресле, закурил прямо в кабинете — плевать на все правила.

— Переборщил немного, — коротко бросил я. — Как прошло у тебя?

— Всё нормально, подписали.

— Ну и отлично, — хмуро ответил, глубоко затягиваясь никотином, наполняя легкие дымом.

— Ты с Аней поругался? — прямо предположил он, не отводя взгляда.

— Какой ты, однако, догадливый, — усмехнулся я безрадостно, стряхивая пепел в пепельницу. — Да, именно так. Кто-то ей напел какую-то херню: оказывается, у меня есть жена и ребенок в Армении. Собрала вещи и ушла, оставив только голосовое сообщение, — рассказал я довольно спокойно — видимо, весь пар уже спустил на сотрудников с утра.

Сурен выругался сначала по-армянски, потом по-русски — сочными, крепкими словами.

— Согласен, — кивнул я, повторно, для убедительности.

— Как так вообще? И кто эту дрянь ей в уши влил?

— Вот и я об этом. Всю ночь думаю — кто? Кручу варианты, один за другим.

— Подружки ее? — предположил Сурен, потянувшись через стол за моей пачкой сигарет и зажигалкой. Вытащил одну, прикурил.

— Нет. Их я сразу исключил — они бы это гораздо раньше сделали, при первом удобном случае. Нет... нет и еще раз нет. — Я смял окуроч в пепельнице с силой, встал, подошел к огромному окну, нервным движением засунул руки в карманы брюк и устремил хмурый взгляд вдаль, на заснеженную Москву.

— Кто бы ни была эта мразь, я найду. Обязательно найду. И поговорим по-мужски, — обернулся я к Сурену, будто хотел убедиться, что друг услышал мое обещание, что оно повисло в воздухе тяжело и серьезно.

Он кивнул, и его глаза понимающе сузились — в них мелькнула та же решимость.

— А вдруг это ревнивая баба, которую ты просто трахнул когда-то, а она рассчитывала на большее? — Сурен тоже встал, оперся бедрами о край стола и посмотрел на меня вопросительно.

— Какая еще баба? Я два года с Аней — никого у меня нет и не было, — жестко отсек я предположение друга.

— Слушай, а может, это дело рук Кравчука?

— Игоря? — приподнял я брови в удивлении.

— А чего ты так удивляешься? — оттолкнувшись от стола, он подошел к пепельнице, стряхнул пепел. — Ты у него, можно сказать, из-под носа крупную сделку увел. Не забывай, что он жучара еще тот — мстительный, как никто.

— Ну... — я начал расхаживать по кабинету взад-вперед, размышляя вслух, — не думаю, что Кравчук стал бы действовать через Аню. Не его уровень, слишком мелко для него.

— Кто знает... Может, в том и суть — чтобы на него никто не подумал. Зная тебя, ты всё равно до правды доберешься, докопаешься до дна, — в подтверждение его слов я молча кивнул, соглашаясь.

— А сама Аня где сейчас? У подружек отсидживается, или ты не знаешь?

— Почему не знаю... конечно, знаю. К маме в Тверь уехала. — Я тяжело вздохнул. — Куда еще бегут девчонки, когда мужик вдруг оказался «козлом»? Сначала пореветь с подружками, а потом — к маминой «сиське», под защиту.

Сурен не сдержался и хохотнул — коротко, но искренне.

— Прости, Арт, не сдержался. Ты так хорошо знаешь девушек, что становится страшно.

— Не советую тебе надо мной смеяться — я не в том настроении, — хмуро предупредил я, продолжая мерить шагами просторный кабинет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.